

В. В. КАНИЩЕВ (Тамбов, Россия)

*ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ
И ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ НАГРУЗКИ НА
ПРИРОДНУЮ СРЕДУ В РОССИИ ПОСЛЕ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ. ТАМБОВСКАЯ
ГУБЕРНИЯ, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1920-Х ГГ.*

В течение многих десятилетий Великая Октябрьская социалистическая революция и последовавшая за ней Гражданская война представлялись советской исторической наукой как необходимые первые шаги к “светлому будущему”. Новая экономическая политика 1920-х годов называлась “временным отступлением” на этом, безусловно, прогрессивном пути. Только в 1980-е годы в работах российских историков появились высказывания о том, что “красная смута” 1917-1922 годов была традиционалистской реакцией российского аграрного социума на трудности модернизации, являлась “общинной революцией.”¹

Проявления такой реакции главным образом рассматривались применительно к социально-политической сфере и на общероссийском уровне. В работах регионального масштаба речь в основном идет о восстановлении в первой половине 1920-х годов традиционного крестьянского экстенсивного сельского хозяйства как части процесса восстановления народного хозяйства России после революций и войн.²

Демографические и экологические аспекты жизни российского крестьянства 1920-х годов на региональном и микро уровнях почти не изучались. Тамбовские историки занялись этим в самые последние годы.³

---

1. В. П. Буддаков, *Красная смута. Природа и последствия революционного насилия* (Москва: РОССПЭН, 1997); Д. И. Люкшин, *Вторая русская смута: крестьянское измерение* (Москва: АИРО-XX, 2006).

2. В частности, по Тамбовской губернии такое исследование провел С. А. Есиков: см. С. А. Есиков, *Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы НЭПа (1921-1928 гг.)* (Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2004).

3. М. К. Акользина, “Изменения состояния ресурсов для сельского хозяйства Тамбовского региона во второй половине 1920-х-1930-е гг. как экологическая проблема”, в *Экологическая история России в XVIII-начале XX вв.* (Тамбов: Издательский дом Тамбовского государственного университета, 2009), с. 89-99; В. Л. Дьячков, “Канищев В. В. Начальный этап агрегации поселенных демогра-

В современных условиях многие публицисты и малоквалифицированные краеведы либо в политических целях, либо из-за склонности к сенсациям и нагнетанию жути приводят громадные цифры потерь населения России и ее отдельных регионов в советское время, не основываясь на серьезно выверенных документальных фактах. Между тем в распоряжении исследователей имеется немалое количество документов, которые позволяют, если не абсолютно точно, то качественно весьма верно, оценить масштабы реальных потерь отдельных российских территорий, в частности, Тамбовской губернии в событиях 1917-1922 годов

Материалами для расчетов являются данные Всероссийских переписей населения 1920 и 1926 годов, достаточно квалифицированно собранные и обработанные бывшими земскими статистиками.⁴ Сопоставление тамбовских общегубернских сведений этих переписей затруднено тем, что в первой половине 1920-х гг. территория региона в ходе административных реформ сократилась почти вдвое. Но даже в сокращенной пополам губернии в 1926 г. насчитывалось 1,9 млн сельского населения против 3,4 млн селян в “полновесной” губернии образца 1920 г. Так что ни о каких миллионных потерях региона в начале 1920-х гг. говорить невозможно. Сопоставление населения Тамбовщины в границах 1926 г. по двум переписям показывает, что в 1920 г. в уездах губернии жило примерно 2 млн чел. Число жителей на сопоставимой территории за 6 лет сократилось не более чем на 100 тыс. чел.

Для уточнения причин таких потерь в первую очередь мы обратились к анализу данных 1920 и 1926 гг. по 262 населенным пунктам, затронутым самым масштабным событием Гражданской войны на территории Тамбовской губернии, крестьянским восстанием 1920-1921 гг., известным также под названием “Антоновщина”. Этот анализ показал, что за 6 лет число жителей здесь с 600 тыс. чел. (примерно одна шестая сельского населения Тамбовской губернии накануне крестьянского восстания) сократилось к середине 1920-х гг. на 80 тыс. (или на 13 %). Другими словами, основное сокращение численности населения губернии после Гражданской войны связаны с зоной “антоновского” восстания. Однако было бы упрощением связывать эту убыль только с крестьянским восстанием и его подавлением. Прямые потери от боевых и карательных

фических данных (по материалам книг ЗАГС сельских советов Тамбовской губернии 1925-1926 гг.)”, в *Вестник Тамбовского университета. Приложение. Кафедра Российской истории* (2009), с. 164-85 и ряд др.

4. *Бюллетень Тамбовского губстатбюро*, № 1 (Тамбов (1923), с. 338-443; *Список населенных мест Тамбовской губернии по уездам (по данным переписи 1926 года)* (Тамбов: Губстат, 1927).

действий на повстанческих территориях составили не более 14 тыс. чел.⁵ Но значительно большая убыль являлась следствием весьма смертных голодовок и эпидемий, особенно самой населенной юго-восточной части губернии, гибели нескольких тысяч молодых тамбовских мужчин на разных фронтах Гражданской войны в конце 1920-1922 гг., продолжения многими красноармейцами службы в РККА, призыва не менее 40 тыс. тамбовских парней в РККА осенью 1920 – осенью 1926 г., высылки из “яро бандитских” районов в 1921-1922 гг. многих десятков тысяч молодых семей и “одинок”, вынужденной миграции в города и села за пределы Тамбовщины.

Но эти “раны” не были смертельными для тамбовского крестьянства, сохранившего широкую плодovitую базу для восстановления численности населения. Данные середины 1920-х гг. свидетельствуют о том, что крестьяне Тамбовской губернии сохранили традиционную модель демографического поведения. Абсолютные и относительные показатели брачности и рождаемости губернии и отдельных, в том числе повстанческих уездов, в эти годы вернулись к значениям предвоенных 1910-х годов, а в чем-то и превысили их. Эти показатели говорят о признаках компенсаторной рождаемости (см. приложение 1).

В Государственном архиве Тамбовской области и ряде районных отделов ЗАГС мы выявили 33 книги, составленные на уровне сельских советов и 1 книгу волостного масштаба 1925-1926 гг., сведения которых в сочетании с материалами Всесоюзной переписи населения 1926 г. на поселенном уровне можно использовать для вычисления общих демографических коэффициентов.⁶ Это классическая случайная выборка, сложившаяся в зависимости, во-первых, от сохранности книг ЗАГС этих лет; во-вторых, от организованности передачи в областной архив загсовских книг из районов Тамбовской области; в-третьих, от возможностей работать в районных отделах ЗАГС, которые официально ограничены (тайна личной жизни).

---

5. “Антоновщина”. *Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг.: Документы, материалы, воспоминания* (Тамбов: Изд-во “Юлисс”, 2007).

6. Государственный архив Тамбовской области (далее ГАТО). Ф. Р-5337. Оп. 3. ДД. 146 а, 294 б, 294 в, 294 г, 297 а, 307 а; Оп. 7. ДД.3, 20, 25, 652 б; Хранящиеся в районных ЗАГС книги Больше-Даниловского, Верхоценского, Карпельского, Лавровского, Львовского, Пахотно-Угловского сельсоветов Тамбовского уезда, Верхнечуевского, Искровского, Павлодарского, Семеновского, Туголуковского, Энгурозовского сельсоветов Борисоглебского уезда, Гавриловского 1-го и 2-го и Оржевского сельсоветов Кирсановского уезда, Леволамского, Малопуповского, Парско-Угловского, Перкинского, Сосновского сельсоветов Моршанского уезда.

Общие коэффициенты рождаемости на уровне сельских советов по большинству первичных территориальных объединений оказались близкими нормам российского традиционного общества 1910-х - 1920-х гг. – среднеарифметический показатель этой выборки получился в 54,6 %. По Б. Н. Миронову, общий коэффициент рождаемости сельского православного населения России в целом за 1909-1913 гг. равнялся 44%; по В. Б. Жиромской, этот показатель по России в целом в 1925 г. был равен 45 % (ясно, что для сельской местности он был выше).⁷

Стандартное отклонение внутри нашей выборки составило 26,6 пунктов, что говорит о достаточно высокой однородности данных о рождаемости изученных нами книг ЗАГС. С учетом этого показателя случайными с математической точки зрения были отклонения от среднего значения общих коэффициентов рождаемости населения данные 22 сельских советов. И только в 5 случаях математика оказалась “бессильна”. Эти случаи уже требуют дополнительного изучения с исторической точки зрения.

Можем предположить влияние “антоновщины”. В зоне восстания оказались 4 из 5 “нестандартных” сел. В трех из них “недостача” населения уровня 1920 г. и превышение женщин над мужчинами, по данным переписи 1926 г., оказались небольшими, что говорит о сохранении базы для высокой компенсаторной рождаемости после Гражданской войны.⁸

В недавних “антоновских” территориях сельсоветов, оказавшихся в нашей выборке, в области математически нормальной рождаемости в 8 из 11 случаев общий коэффициент рождаемости был ниже или равен среднему по совокупности показателю. Во всех этих селах к 1926 г. населения было существенно меньше, чем в 1920 г. Соотношение женщин и мужчин в процентах составляло 53-56:47-44.⁹ Другими словами, после гражданской войны здесь не проявилась компенсаторная рождаемость ввиду заметного дисбаланса женщин и мужчин. Но все-таки мужские потери военно-революционного времени в бывших повстанческих местностях были не настолько велики, чтобы говорить о катастрофическом падении рождаемости.

---

7. Б. Н. Миронов, *Социальная история России*, т. 1 (СПб.: Дмитрий Булавин, 1999), с. 179; В. Б. Жиромская, *Демографическая история России в 1930-е годы. Взгляд в неизвестное* (Москва: РОССПЭН, 2001), с. 9.

8. “Антоновщина”. *Крестьянское восстание в Тамбовской губернии в 1920-1921 гг.*, с. 723-31.

9. Здесь и далее данные за 1926 г. взяты из электронной базы данных, составленной на основе “Списка населенных мест Тамбовской губернии по уездам (по данным переписи 1926 года). Тамбов: Губстат, 1927”.

Весьма интересны 3 других “антоновских” сельсовета (с центрами в селах Лаврово и Львово Тамбовского уезда и Оржевка Кирсановского уезда), которые продемонстрировали почти запредельные показатели рождаемости в районе – 100-125 %. Все они к середине 1920-х почти восстановили численность населения 1920 г. Это, скорее всего, произошло за счет сравнительно небольших потерь мужчин в годы войн и революций. Во всяком случае, в 1926 г. процентное соотношение женщин и мужчин здесь было “приемлемым” 51-52: 49-48. В Лавровской волости, по которой в наши подсчеты вошел поселок Лавровский, образованный в 1924 г., общий показатель рождаемости могла “подбавить” сверхрождаемость в 1926 г. в этом молодом поселении.

50 отдельных населенных пунктов внутри сельских советов, продемонстрировали очень существенные отклонения в сторону сверхвысоких или, напротив, сверхнизких показателей.¹⁰ Среднее арифметическое значение общего коэффициента рождаемости для этой выборки составило 57,4 %, а стандартное отклонение – 65,6 пунктов. Такой показатель отклонения с точки зрения математики говорит о существенной неоднородности данной выборки и случайности отклонений от среднего значения, связанной со статистически малыми цифрами рождаемости в отдельных населенных пунктах.

Но и при этом в выборке оказались 2 селения, давшие совершенно нестандартные показатели. Оба они были молодыми, основанными в 1923 г. Пожитейски вполне резонно предположить, что в д. Петровская Краснослободного сельсовета Тамбовского уезда и в поселке Искра Жердевской волости Борисоглебского уезда первые год два ушли на обустройство, а в 1924-1925 гг. молодые семьи новых поселений “дружно” позаботились о детях, что дало очень высокую рождаемость в 1925-1926 г. Напротив, очень низкая рождаемость в также молодом поселке Калинычи может быть объяснена тем, что здесь после первоначально всплеска рождаемости на 1926 г. пришелся интергенетический интервал.¹¹

---

10. ГАТО. Ф. Р-5337. Оп. 3. ДД. 146 а, 294 б, 294 в, 294 г, 297 а, 307 а; Оп. 7. ДД. 3, 20, 25, 652 б; Книги ЗАГС Больше-Даниловского, Верхоценского, Карпельского, Лавровского, Львовского, Пахотно-Угловского сельсоветов Тамбовского уезда, Верхнечуевского, Павлодарского, Семеновского, Туголуковского, Энгуразовского сельсоветов Борисоглебского уезда, Гавриловского 1-го и 2-го и Оржевского сельсоветов Кирсановского уезда, Леголамского, Малопуповского, Парско-Угловского, Перкинского, Сосновского сельсоветов Моршанского уезда.

11. ГАТО. Ф. Р-5337. Оп. 3. ДД. 146 а, 294 б, книги ЗАГС Искровского сельсовета Борисоглебского уезда.

Данные о брачности в середине 1920-х гг. демонстрируют заметный разброс и на поселенном, и на сельсоветовском уровнях: для 33-х населенных пунктов, известных по этому показателю, общий коэффициент брачности в среднем составил 17,0 % при стандартном отклонении в 8,8 пунктов, для 20 сельсоветов коэффициент равнялся 13,2 %, а отклонение – 7,2.

Конечно, брачность является такой стороной демографического поведения, которая в наибольшей мере зависима от самого человека, и потому в количественном измерении она подвержена многим случайным колебаниям, зависимым от многофакторного человеческого общения.

Ясно, что в больших населенных пунктах и сельсоветах в целом случайные отклонения в какой-то мере сглаживались. Но и на этом уровне видны большие разбросы общих коэффициентов брачности, в том числе выходящие за пределы стандартного отклонения – 3 сельсовета со сверхвысокой брачностью и 1 – со сверхнизкой. При этом все 4 территории находились в зоне недавнего крестьянского восстания. Но в 3-х соотношение мужчин и женщин к 1926 г. сблизилось до 47-49:53-51 %, а в Верхнечуевском оставалось весьма неравным – 44.56 %.

В большинстве изученных нами поселений при немногочисленности их жителей (десятки или несколько сот человек), вероятно, свадьбы игрались не каждый год. По поселенным данным переписи 1926 г. мы установили, что около 40 мелких населенных пунктов Староюрьевской волости не упоминаются в книге ЗАГС того же года. Поэтому математически каждый брак становился здесь случайным отклонением от 0. В нашей выборке в 33 селениях математически не случайными, т.е. вышедшими за пределы стандартного отклонения, оказались 4 деревни Староюрьевской волости и 1 поселок Жердевской волости – сверхвысокие показатели, 3 селения Краснослободного сельского совета – сверхнизкие показатели. Применительно к молодому поселку Искра очень высокий показатель брачности в принципе понятен. В остальных случаях, видимо, действовали, какие-то местные обстоятельства, не связанные с соотношением полов – во всяком случае, и при сверхвысокой, и при сверхнизкой брачности это соотношение были примерно одинаковым, и равнялось 48-49: 52-51 % в пользу женщин.¹²

---

12. ГАТО. Ф. Р-5337. Оп. 3. ДД. 146 а, 294 б, 294 в, 294 г, 297 а, 307 а; Оп. 7. ДД. 3, 20, 25, 652 б; Хранящиеся в районных ЗАГС книги Больше-Даниловского, Верхоценского, Карпельского, Лавровского, Львовского, Пахотно-Угловского сельсоветов Тамбовского уезда, Верхнечуевского, Искровского, Павлодарского, Семеновского, Туголуковского, Энгуразовского сельсоветов Борисоглебского уезда, Гавриловского 1-го и 2-го и Оржевского сельсоветов Кирсановского уезда,

В нашем распоряжении оказалась поволостная книга ЗАГС Староюрьевской волости Козловского уезда. Специально заметим, что волость не испытала непосредственного влияния боевых действий Гражданской войны вообще и “Антоновщины” в частности (волость находилась километрах в 70 от повстанческой зоны). Здесь в большей мере действовали общероссийские факторы военно-революционного времени, нежели тамбовские “бандитские” обстоятельства. Вычисленный на основе книги общеволостной показатель брачности в 11,1 % оказался даже выше “нормы” российского дореволюционного аграрного общества: у Б. Н. Миронова, по сведениям 1910-1911 гг. для сельского православного населения, он получился в 8,4 %.¹³ Но самое интересное состоит в том, что в самом с. Староюрьево общий коэффициент брачности лишь на несколько десятых промилле отличался от общероссийского. Село было не совсем типичным сельским поселением: являлось локальным торговым центром, здесь располагалась железнодорожная станция с явно неземледельческой инфраструктурой. Остальная же часть волости оставалась аграрной, ее показатели брачности сохранились на уровне значений второй половины XIX в.

Показатели смертности, вычисленные нами для 42 населенных пунктов, дали очень большой разброс – при среднем показателе для совокупности 37 % стандартное отклонение получилось в 56,9 пунктов. Но при этом за пределы отклонения вышло всего 3 поселения. В молодом поселке Искра сверхвысокая смертность, видимо, оказалась, в естественной связке со сверхвысокой рождаемостью, когда огромная доля новорожденных умирала в возрасте до 1 года. Для железнодорожной будки, где всего проживало 7 человек, любой случай смерти был сверхординарным явлением. В с. Борисовка Карпельского сельсовета, видимо, очень сильно работали какие-то местные обстоятельства – и в другие поселения этой территории была высокая, хотя и не запредельная, смертность.¹⁴

Леволамского, Малопуповского, Парско-Угловского, Перкинского, Сосновского сельсоветов Моршанского уезда.

13. Б. Н. Миронов, Указ. соч., т. 1, с. 173.

14. ГАТО. Ф. Р-5337. Оп. 3. ДД. 146 а, 294 б, 294 в, 294 г, 297 а, 307 а; Оп. 7. ДД. 3, 20, 25, 652б; Хранящиеся в районных ЗАГС книги Больше-Даниловского, Верхоценского, Карпельского, Лавровского, Львовского, Пахотно-Угловского сельсоветов Тамбовского уезда, Верхнечуевского, Искровского, Павлодарского, Семеновского, Туголуковского, Энгуразовского сельсоветов Борисоглебского уезда, Гавриловского 1-го и 2-го и Оржевского сельсоветов Кирсановского уезда, Леволамского, Малопуповского, Парско-Угловского, Перкинского, Сосновского сельсоветов Моршанского уезда.

На уровне сельских советов (нами изучен 21 сельсовет) общий коэффициент смертности приближался к некоему однородному уровню (33,2 % при стандартном отклонении в 23,2 единицы), который оказался близок к общероссийским значениям: 32 %, вычисленных Б. Н. Мироновым для сельского православного населения по данным 1909-1913 гг.; В. Б. Жиромская вычислила общий коэффициент смертности для Европейской России середины 1920-х гг. в 24 % (по понятным причинам в сельской местности этот показатель был выше и приближался к “мироновскому”).¹⁵ За пределы отклонения вышли только Карпельский, Лавровский и Львовский сельские советы Тамбовского уезда. Объяснение для них, видимо, банально: сверхвысокая рождаемость вызывала сверхвысокую смертность ввиду низкой выживаемости младенцев.

В целом на основе ЗАГСовских цифр, можно рассуждать, что изученные нами территориальные образования и отдельные поселения к 1925 г. пережили тяжелейшие демографические последствия Гражданской войны. При этом особо подчеркнем, что в Абакумовском, Павлодарском, Туголуковских сельсоветах, находившихся в эпицентре “Антоновщины” общий коэффициент смертности в 1925-1926 гг. был даже ниже, чем в других изученных местностях. Этого вполне достаточно, чтобы снять утверждение о долгосрочных последствиях жестокого подавления советскими войсками повстанческого движения тамбовских крестьян в 1920-1921 гг., тем более о каком-то вымирании населения недавних “антоновских” населенных пунктов.

Наконец, показатель естественного прироста мы смогли получить для 16 сельсоветов (среднее значение – 23,6 %, стандартное отклонение – 14,7) и 18 населенных пунктов (среднее значение – 8,8 %, стандартное отклонение – 22,3). У Б. Н. Миронова разница между рождаемостью и смертностью для православной сельской России 1910-х равнялась 12 %, у В. Б. Жиромской для России в целом 1925 г. – 21 %.¹⁶ В принципе наши показатели по сельсоветам ближе к естественному приросту середины 1920-х гг., а по населенным пунктам – к приросту дореволюционного времени. В любом случае показатель естественного прироста, переведенный в проценты, 0,9-2,1 % за год всегда говорит о потенциально высоких темпах увеличения населения общества.

Выход за пределы нормальных математических значений по показателю естественного прироста отмечен у 6 сельсоветов и 5 сел. При этом у сельсоветов явно преобладал сверхвысокий прирост (в

---

15. Б. Н. Миронов, Указ. соч., т. 1, с. 190; В. Б. Жиромская, Указ. соч., с. 10.

16. Б. Н. Миронов, Указ. соч., с. 179, 190; В. Б. Жиромская, Указ. соч., с. 9-10.

4-х случаях в местностях, не сильно пострадавших от “антоновщины”), а в отдельных селах (3 из 5), – напротив, отрицательный прирост, обусловленный, видимо, какими-то конкретными местными обстоятельствами.

Сопоставление поселенного и сельсоветовского уровней в какой-то мере позволило увидеть демографические последствия гражданской войны (для Тамбовской губернии прежде всего “антоновщины”). Точно можно сказать, что эти последствия не были катастрофичными, и в бывших повстанческих селах в 1925-1926 гг. наблюдалась нормальное для аграрного общества демографическое поведение. Интересным моментом, замеченным на микроуровне и лишней раз демонстрирующим его важность, стал, скажем так, порог в соотношении мужчин и женщин в конкретном селении (популяции), за которым заметно меньшей обычной была рождаемость – 47:53 %. Вероятно, в этом нарушении полового баланса и проявились последствия гражданской войны вплоть до середины 1920-х гг. Напротив, в популяциях с более благоприятным половым балансом, можно предположить компенсаторную рождаемость и высокий естественный прирост.

В целом наши типологические микровыборки говорят о сохранении аграрным регионом традиционного демографического поведения. Первая мировая и Гражданская войны потрясла, повредила модель крестьянского воспроизводства, но не сломала ее.

Восстановление традиционного демографического поведения тамбовского крестьянства в середине 1920-х гг. было сопряжено с возвратом традиционному экстенсивному сельскому хозяйству на неизменной по площади территории. Другими словами, восстанавливалась традиционно высокая человеческая нагрузка на природные угодья.

Для середины 1920-х гг. мы имеем данные о землепользовании в губернии на 1925 г.,¹⁷ которые “удобно” для наших расчетов сочетаются с материалами переписи населения 1926 г. Данные о земельных угодьях позволяют вести анализ на волостном уровне. К сожалению, и эти материалы содержат сведения не по всем видам природных ресурсов.

Гигантский удельный вес пашни в большинстве волостей образца 1925 г. даже при учете отсутствующей в источнике территории лесов вряд ли составлял менее 70 %.

Советские экономисты и статистики в 1920-е г. “усиленно” разрабатывали показатели производительности земледельческого тру-

---

17. *Материалы по современному землепользованию Тамбовской губернии* (Тамбов: Губстат, 1926).

да. Минимальным из них посчитали 4 га на работника.¹⁸ Поэтому мы в своих расчетах исходили из того, что для обработки 1 дес. требовалось примерно 0,25 работника. Применяя этот показатель к конкретным сельским популяциям, историки обычно стремятся определить степень аграрного перенаселения опять-таки как социально-экономическую проблему.¹⁹ Мы же призываем взглянуть на проблему еще шире и попытаться рассматривать объективно невосребованных в сельском хозяйстве местных жителей в плане создания ими избыточной нагрузки на природные ресурсы. Применительно к Тамбовской губернии середины 1920-х годов у нас получилось, что только в 7 из 64 волостей губернии, расположенных на территории современной Тамбовской области, нагрузка на пашню не была ниже 0.25 чел. на дес. Примерно такую же картину мы увидели при обработке данных предвоенного 1912 г.²⁰

Учет лесных площадей, а они к середине 1920 г., по данным, приводимым С. А. Есиковым, составляли в губернии около 5 % крестьянский угодий в целом,²¹ существенно не поменял бы картину с громадной долей пашни в использовании природных ресурсов.

Источник 1925 г. дает нам возможность увидеть удельный вес животноводческих угодий. При заметном разбросе данных во всех волостях он оказался очень далек от идеального “коэффициента Милова”.²² “Дорвавшиеся” после 1917 г. до всей земли крестьяне, в большинстве мест усилили распашку лугов, сенокосов, выпасов, и их доля в сравнении с началом XX в. сократилась. На это обраца-

---

18. Л. И. Лубны-Герцык, “Аграрное перенаселение и аграрный строй”, *Сельское и лесное хозяйство*, № 10 (1923), с. 14; Его же, “Об избыточном труде в сельском хозяйстве СССР”, в *Сельское хозяйство на путях восстановления* (Москва: Тип. при Управлении делами СНК СССР, 1925), с. 352; М. Лацис, *Аграрное перенаселение и перспективы борьбы с ним* (Москва-Ленинград: Госиздат, 1929), с. 50.

19. Подробнее см. С. А. Нефедов, “Экологический кризис в Центральном Черноземье и проблема аграрного перенаселения в начале XX в.” в *Экологическая история России в XVIII-начале XX вв.*, с. 23-30

20. *Адрес-календарь Тамбовской губернии на 1912 год* (Тамбов: Типография губернского правления, 1912), Приложение.

21. С. А. Есиков, *Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы НЭПа*, с. 16.

22. Л. В. Милов называл одним из общих положений для крестьянского хозяйства необходимость иметь на каждую десятину пашни 1,24 дес. луга (См.: Л. В. Милов, *Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса* [Москва: РОССПЭН, 1998], с. 215).

ли внимание и различные документы местных земельных органов Советской власти.²³

Более того, в документах 1920-х гг. речь шла о снижении качества обработки земли мелкими крестьянскими хозяйствами. Громадное преобладание посевов малоурожайных культур в сравнении с интенсивными (картофель, подсолнух, бобовые, кормовая свекла) снижало возможности “страховаться” от недородов и засух.²⁴ На основе таких материалов, думается, можно ставить вопрос и об экологических предпосылках голода 1932-1933 гг.

По сути рассмотренные демографические и экологические процессы были новым витком демоэкологического кризиса российского аграрного общества, который проявился еще во второй половине XIX в. и выражался в неконтролируемом “запредельном” росте сельского населения, нарастании аграрного перенаселения в основной земледельческой зоне России, истощении здесь природных ресурсов при продолжении ведения крестьянами примитивного сельского хозяйства.

Вмешательство государства в эти крайне негативные процессы было объективно обусловлено. Другое дело, что оно произошло в явно негуманных, насильственных формах проведения коллективизации и раскулачивания.

---

23. М. К. Акользина, “Изменения состояния ресурсов для сельского хозяйства Тамбовского региона во второй половине 1920-х-1930-е гг. как экологическая проблема”, в *Экологическая история России в XVIII-начале XX вв.*, с. 89-99.

24. Там же

ПРИЛОЖЕНИЕ 1**Демографические коэффициенты Тамбовской губернии и ее уездов в 1910-1920-е гг. (в ‰)**

Административная единица	1910	1924
Тамбовская губерния		
брачность	7,1	10,4
рождаемость	47,7	45,1
смертность	29,0	26,3
естественный прирост	18,7	18,7
Тамбовский уезд		
брачность	6,9	10,4
рождаемость	49,7	47,4
смертность	28,0	27,5
естественный прирост	21,7	19,9
Борисоглебский уезд		
брачность	6,7	10,4
рождаемость	50,8	43,4
смертность	33,7	23,7
естественный прирост	17,0	19,6
Кирсановский уезд		
брачность	8,0	11,4
рождаемость	53,8	43,0
смертность	28,5	21,8
естественный прирост	25,3	21,3
Козловский уезд		
брачность	8,4	11,3
рождаемость	55,9	48,6
смертность	33,9	31,5
естественный прирост	22,0	17,1
Моршанский уезд		
брачность	7,6	8,5
рождаемость	48,8	40,8
смертность	29,7	24,7
естественный прирост	19,2	16,1

Источники: ГАТО. Ф. Р-761. Оп. 1. Д. 623. Лл. 1-5; Д. 885. Л. 1.

Тамбовский Государственный Университет имени Г. Р. Державина